

ПОСОХ ВОЛХВА

АЛЕКСЕЙ
ВИТАКОВ

ИСТОРИЧЕСКИЕ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Исторические приключения (Вече)

Алексей Витаков

Посох волхва

«ВЕЧЕ»

2014

Витаков А. И.

Посох волхва / А. И. Витаков — «ВЕЧЕ», 2014 — (Исторические приключения (Вече))

Первая половина IX века. Два норманнских драккара, «Хрофтогюр» и «Фенрир», под видом купеческой делегации появляются в верховьях Днепра. Но истинная цель викингов – грабеж и захват пленников. Реализовав невероятный по своей циничности и коварству хитроумный план, норманны пленяют несколько десятков молодых кривичей и продолжают свой кровавый путь по Днепру. В это же самое время на родину в верховья Днепра возвращается молодой волхв Ишута. Ишута начинает свою борьбу с норманнами в одиночку. Но уже через несколько дней к нему присоединяются небольшие группы кривичей – тех, кому удалось избежать смерти во время грабительских налетов...

Содержание

Пролог	6
Глава 1	10
Глава 2	18
Глава 3	23
Глава 4	29
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Алексей Витаков

Посох волхва

© Витакова А. И., 2014

© ООО «Издательство «Вече», 2014

* * *

Пролог

Скальду Эгилю Рыжая Шкура в жизни круто не повезло. Мало того, что асы обделили внешностью: кривоват на лицо, угреват, сутул, колченог, а все тело покрыто жирными веснушками, так еще и это имя! Отец решил назвать его так в честь знаменитого скальда Эгиля сына Грима Лысого. Да, того самого, который владел не только скальдическим слогом, но и рунической магией.

Старый Брагги много рассказывал о том, как однажды на пиру сын Грима Лысого, почувствовав, что его хотят отравить, воткнул себе в ладонь нож, принял рог с вином, вырезал на нем руны и окрасил их своей кровью. И рог разлетелся на куски! Еще Брагги рассказывал, как Эгиль в постели одной больной девушки, которой взялся помочь, нашел рыбью кость с нанесенными рунами. Скальд понял, что руны вырезаны неправильно и что именно это стало причиной болезни. Он соскоблил руны, бросил их в огонь и, вырезав новые, положил кость под подушку больной девушки.

Еще Эгиль, сын Грима Лысого, не побоялся бросить вызов самому Эйрику Кровавая Секира, написав на того нид¹, – да такой, что у Эйрика едва не лопнуло сердце и начисто выпала борода. Кровавая Секира объявил скальда вне закона, и тот вынужден был отплыть на прибрежный остров, где воздвигнул жердь с насаженным на нее лошадиным черепом и вырезал на ней рунами заклятие, призывающее духов страны прогнать Эйрика и его жену Гуннхильд из Норвегии.

С того времени минуло целое поколение. Давно уже кости скальда истлели в земле. Но все помнили и чтили Эгиля, сына Грима Лысого...

Вот поэтому Эгиль Рыжая Шкура невероятно страдал. Его сравнивали со знаменитым скальдом конечно же не в его пользу. Подтрунивали. Подшучивали. Девушки предпочитали обходить стороной. Отец с детства заставлял Эгиля упражняться в скальдскапе², ездить верхом, рубить секирой, стрелять из лука – словом, владеть всеми навыками не хуже самого сына Грима Лысого. Но, если хочешь рассмешить самого Одина, расскажи ему о своих замыслах. Как ни старался Рыжая Шкура походить на своего прославленного тезку, получалось неважно. Он питался долей плохих скальдов.

* * *

Все началось с того, что боги враждовали с народом, что зовется ванами. Но потом решили заключить мир и назначили встречу. Те и другие подошли к чаше и плюнули в нее. При расставании боги, чтобы не пропал втуне тот знак мира, сотворили из него человека. Дали имя Квасир. От слова «квас». Долго странствовал Квасир по белу свету, учил людей мудрости и послушанию богам. Но однажды злые карлы³ Фьялар (прячущий) и Галар (поющий) убили его. Кровь слили в две чаши – Сон и Бодн – и в котел Одрерир, смешали с кровью мед, и получилось питье. Всякий отведавший его становился скальдом или ученым. Карлы обманули асов, сказав, что Квасир захлебнулся в собственной мудрости. Потом они убили великана Гиллинга, заманив того в открытое море, и хотели уже разделаться с женой великана, но та оказалась прозорливой и позвала на помощь своего сына, который отвез карлов на скалу, что погружается в море во время прилива. Карлы молили Суттунга пощадить их, а за это обещали драгоценный мед. Суттунг согласился и увез драгоценный напиток в скалы

¹ Нид – оскорбительный стих, рифмованное проклятие.

² Скальдскап – искусство создания заклинаний и сложения стихов.

³ Карлы – карлики, уродцы.

Хнитбьерг. А дочь свою Гуннлед приставил сторожить его. Единственный, кто кроме Суттунга имел доступ к меду, – это его брат Бауги. К нему-то и пришел Один просить хотя бы глоток. До этого Один убил девятерых слуг великана и сам, назвавшись Бельверком, стал работать за девятерых. Когда настала пора расплачиваться с работником, Бауги обратился к Суттунгу с просьбой выдать один глоток Бельверку. Но тот наотрез отказался. Тогда Бельверк раздобыл бурав Рати, просверлил отверстие и, превратившись в змею, прополз в скалу. Он провел три ночи с Гуннлед, и та позволила выпить ему три глотка меда. С первого глотка Бельверк осушил Одрерир, со второго – Сон, с третьего – Бодн, и так достался ему весь мед. Потом он превратился в орла и поспешно улетел. Суттунг, увидев птицу, тоже принял обличье орла и полетел в погоню. Как увидели асы, что летит Один, поставили во дворе чашу, и Один, долетев до Асгарда, выплюнул мед в эту чашу. Но, так как Суттунг уже настигал его, Один, чтобы лететь быстрее, выпустил часть меда через задний проход. Этот мед не был собран, его брал всякий, кто хотел, и его называли долей плохих скальдов...

* * *

Эгиль Рыжая Шкура питался из этой доли. И об этом знали все от мала до велика. Иногда он пробовал петь на пирах свои драпы⁴, но при этом так ужасно козлетонил и дергал в такт кривыми ногами, что даже терпеливый херсир⁵ Хроальд разводил руками и, опустив долу очи, говорил: «Кому-то мед Игга, а кому-то помет бога!» Да и сам дротткветт⁶ был коряв и надуман: плохо лились и сочетались кеннинги⁷, строки плясали по длине, сюжет получался глупым, а мысль плоской.

Если кто-то и понимал плохого скальда Эгиля, так только его жена Асгерд – одноглазая, желтоволосая ведьма племени. Она была ровно вдвое старше своего мужа. Титул ведьмы достался ей по наследству, а по закону ей полагались часть имущества и доля земельных участков погибших воинов. И Асгерд неплохо обогащалась, приторговывая тем и другим. Зачастую сбывая все это родственникам убитых и членам их семей. Но алчность ведьмы не знала пределов – чем больше воинов гибло в битвах и тонуло на морях, тем богаче становились ее сундуки. Поэтому она, ссылаясь на волю асов, разжигала в конунгах страсть к новым походам.

Но чего не могла получить Асгерд даже за деньги, так это раба – тралла. Тралл был дороже золота, земли, лошадей и еды. Викинги на своих драккарах могли привезти очень ограниченное количество невольников, поэтому ни за какие барыши не расставались с ними. Особенно если раб из Гардарики⁸ – вынослив, силен, неприхотлив в еде и одежде. Очень часто такие рабы становились членами семьи. Никто, ни один даже очень могущественный человек, пусть хоть сам король, не имел права выпросить раба или вынудить продать. В поселках много тяжелой работы, особенно зимой, поэтому траллы были спасением.

Асгерд хоть и не приходилось нести тяжелую ношу ручного труда – ей почти все необходимое приносили члены племени, – но все же она хотела иметь в доме раба. Когда-то очень давно, в пору цветущей молодости, у нее был невольник. Его привез Хадд, первый муж, из Руси. Совсем еще мальчик, звали Вильга. Но муж часто ходил за море, а тело Асгерд желало любовных утех. Вначале Вильга и Асгерд становились любовниками на время долгих походов

⁴ Драпа – основная форма хвалебной песни в скальдической поэзии.

⁵ Херсир – древненорвежский наследуемый дворянский титул.

⁶ Дротткветт, или «владычный размер», – трехтактный стихотворный размер, наиболее детально разработанный в скальдической поэзии.

⁷ Кеннинг – разновидность метафоры, характерная для скальдической поэзии, а также для англосаксонской и кельтской.

⁸ Гардарика – буквально: «страна городов» – скандинавское название Руси.

Хадда. Затем они стали пользоваться любой его отлучкой. И однажды Хадд застал их, неистовых, пьяных от влаги собственных тел.

Если бы Асгерд не стала к тому времени ведьмой, ей бы вырезали ножом низ живота. Но ведьма неприкосновенна. Поэтому Хадд схватил Вильгу и ударил того хребтом о свое колено. Потом, уже мертвого, порубил на куски и скормил собакам. Асгерд же, якобы нечаянно, выбил глаз башмачным шилом...

Асгерд толкнула тяжелую дверь и вошла в жилище херсира Хроальда.

– Заходи, старая сволочь! – Хроальд находился в хорошем расположении духа и был не прочь безобидно пошутить.

– В последнее время из твоей пасти, плешивый зубоскал, воняет тухлой рыбой, – не осталась в долгу ведьма.

– Хотя ты стара и одноглаза, но я бы от тебя не отказался.

– Хроальд, ты меня получишь, но после того, как вернешься из Гардарики.

– Я уже немолод, Асгерд. Мне не осилить еще один поход.

– Это будет последний, клянусь бусами жены Тора, железной Сив!

– Неужели тебе всего мало? – покачал головой Хроальд.

– Много добра не бывает. Ты сам это знаешь, – дернула плечом Асгерд. – Я скоро начну и вправду стареть. Освежить мою плоть и мой дух может только молодой мужчина.

– Но у тебя же муж вдвое моложе!

– Не смейся надо мною, Хроальд.

– Говори начистоту. Неужели ты задумала от него... – нахмурился херсир.

– Куда смотрели асы, когда выдавали меня замуж за этого калеку? – хмыкнула Асгерд.

– Ты сама в нем видела будущего эриля, владеющего рунической магией. Ты мечтала, что твой муж запишет речь ворона и станет знаменитым!

– Я горько ошибалась. Хватит!

– Такое ощущение, что ты чего-то недоговариваешь? – прищурился Хроальд.

– Я сохну от того, что не чувствую себя женщиной, – вздохнула Асгерд. – Закон запрещает разводиться и заводить другую семью, пока кто-то из супругов не умер. И кто придумал эти хромые законы?!

– Но все же, почему именно из Гардарики? Ведь есть земли и поближе.

– Потому что я знаю, что такое мужчина-славянин. И еще я знаю, что одна капля его крови, смешанная с медом, сделает меня самой могущественной хариухой⁹ северных фьордов.

– Ты и впрямь безумна! Нужно посылать гонца к королю – узнать, когда готовится поход на те земли, – Хроальд поскреб клочковатую бороду.

– Ничего не нужно, – отмахнулась Асгерд. – Скоро начнется навигация. Ты первым пойдешь в Гардарику. Что толку идти с королем – много ли тебе достанется? Все привыкли ходить через Новоград. Я же предлагаю тебе другой путь. По нему не так часто ходят наши. А именно – через полабов к верховьям Днепра. Там есть такой город – Смоленск. Туда ты и пойдешь. Возьмешь траллов, продашь, а обратно уже будешь возвращаться мирным купцом по Волхову. Если идти с королем, то он наверняка твой драккар поставит замыкающим, и тогда – только крохи со стола его величества.

– Неплохой план. Но одним драккаром идти нельзя, Асгерд!

– Я помогу тебе снарядить второй. За это ты привезешь мне красивого славянского раба.

– Ты дашь денег на оружие и снаряжение? Не узнаю старую Асгерд.

– Дам, но в долг, под проценты... Скоро навигация, Хроальд.

– Что я буду делать в походе с твоим Эгилем? – усмехнулся херсир.

⁹ Хариуха – то же, что ведьма.

– Он наверняка погибнет в первой же переделке, – притворно потупилась Асгерд. – Секирой мой муж владеет не лучше, чем скальдскапом.

– Тебе его совсем не жаль?

– От кого я слышу про жалость? От человека, который убил людей больше, чем я за всю жизнь комаров на своем лице. На сей раз, Хроальд, ты пройдешь по пути из варяг в греки первым. Грабь не во всех городах, где-то будь купцом, чтобы на обратном пути было что взять задарма. Наконец, ты выберешь все самое лучшее. То, что ты сам считаешь достойным тебя. С этой добычей иди к хазарам или ромеям, продай им все за хорошие деньги. Они ждали всю зиму. И у первого купят очень выгодно. Хазары возьмут молоденьких женщин для отправки в мусульманские гаремы, ромеи хорошо возьмут крепких мужчин для работы на рудниках. Это будет очень хорошая добыча, Хроальд!

– Два драккара тоже маловато. Хотя бы еще один.

– Справишься. Зачем нужны лишние рты?

– Бойцы – не лишние рты. Мы там иногда жизнью рискуем!

– Вот именно, что только иногда... До встречи, Хроальд!

Глава 1

Два драккара, «Хрофтогюр» и «Фенрир», уже в самом начале мая, преодолев северные воды и трудный путь волоком, встали на днепровский стрежень. Ровно сто воинов, по пятьдесят на каждом судне, вел конунг Хроальд Старый.

Ветер шел встречным курсом, поэтому парус был спущен и воины дружно налегали на весла.

Молвила мне мать:
Мне корабль-де купят –
Весла красны вольны –
С викингами выехать.
Будет стать мне, смелу,
Мило у кормила
И врагов негодных
Повергать поганных.

Пел Халли Рыбак песню Эгиля, сына Грима Лысого. Две последние строчки висы подхватывала вся дружина.

В рог врезаю руны,
Кровью здесь присловье
Крашу и под крышей
Красных брагодательниц
Пьяной пены волны
Пью из зуба зубра.
Бедно, Бард, обносишь
Брагой наше брашно!

Эгиль Рыжая Шкура пытался, не показывая виду, проглотить горький, колючий комок, застрявший во рту. Но чем громче и забористей пел Халли, тем больше становился комок во рту Эгиля.

Тяжелое внутреннее самочувствие неудачника отражалось на его действиях: он то очень быстро начинал вертеть веслом, то, наоборот, так медленно, что вынуждал Хроальда брать в руки кнут.

Несколько раз Эгиль по-честному пытался подхватить песню со всеми вместе, продышаться всей грудью, выпустить из сердца слезы сосущих обид, но ничего не получалось. Вместо задорного, полного звука связки выжимали какой-то бляющий скрип. Отчаяние и порой до такой степени овладевало им, что несчастный готов был раскрошить себе зубы уключиной, а перед этим вырвать собственный язык и скормить его днепровским рыбам.

– Эгиль, ме-е-е, Эгиль, ме-е-е! – то и дело передразнивал его Эйндриди.

Эгиль твердо пообещал самому себе, что в первой же серьезной потасовке постарается убить этого выскочку, Халли Рыбака, а заодно Тормода, Эйнара, Эйндриди и Ёкуля. На остальных он попросит Асгерд по возвращении навести такую черную порчу, что до сотого колена вверх невозможно будет вытравить ни одной премудростью. Он представил себе ужасные муки своих обидчиков и их потомков, и на душе заметно полегчало. Неизвестно в какие мрачные дебри ненависти могло завести Эгиля его воображение, если бы не команда Хроальда: «Суши весла, бездельники! Щиты – с борта! Оружие убрать под лавки и накрыть шкурами!»

«Хрофтогюр» и «Фенрир», влекомые течением, обогнули нависающий берег, и взору норманнов открылся деревянный город.

Сам детинец стоял по правую руку от Днепра на пышном, зеленом холме, примерно в версте от реки. Во все стороны от кремля рассыпались посадки, которые находились под охраной земляного вала и рва шириной в тридцать локтей. У самой днепровской воды, словно ладный гриб-боровик, возвышалась наблюдательная башня в четыре человеческих роста, оснащенная двумя рядами бойниц, зубчатым верхом и брусовой крышей, крылья которой были столь внушительны, что затеняли едва ли не две трети всей постройки.

Прямо от башни шли широкие, в четыре локтя, мостки, сложенные катышом вниз из распиленных вдоль бревен. Мостки одним плечом упирались в пристань, другим – в ворота башни. По ним поднимали с реки тяжелые грузы. Грузчики несли товары на ярмарку, а если была необходимость, то пускали запряженных лошадей.

Башня служила не только наблюдательным пунктом, но и местом досмотра товаров. Заморские гости должны были вначале предстать перед строгим сотским Вакурой и его стражниками, которые тщательным образом проверяли товар на предмет боевого оружия и запрещенных хмельных зелий. А если никаких нарушений не обнаруживалось, то милости просим на торг.

Тяжелая верхняя губа правого берега, сплошь покрытого ивняком и мелким кустарником, круто нависала над водой и являлась естественной преградой. Местами днепровские воды так подъели во время весенних половодий берег, что он напоминал распахнутую пасть хозяина здешних лесов – медведя, – словно грозное предупреждение пришедшим со злым умыслом.

Далее, сколь было видно глазу, простиралась местность пересеченная глубокими, извиляющимися оврагами, набычившимися увалами, крутолобыми холмами и взгорками. Все это утопало в пышной зелени трав, кустарника, перелесков и леса, играло и блаженно шумело под порывами ветра, переплавляя яркий солнечный свет в благородный и мягкий изумруд.

Левый берег, наглухо заросший густым смешанным лесом, напротив, был пологим. Спокойный, уверенный, он манил сумраком древних поверий и старинных сказаний. От него веяло мистикой отшельников и колдунов, заговорами ведьм и заклятьями первых богов. Прямо от береговой полосы начиналась мягкая, вкрадчивая болотина, почти сплошь задернутая брусничным и черничным кустарником. В летнее время, сразу после захода солнца, с левого берега можно было слышать женское пение. Это пели русалки, рассеявшись по корявым ветвям низкорослых сосен, заманивая в свои коварные сети не слишком благоразумных путников. В неверном свете луны тускло серебрились их длинные чешуйчатые хвосты и жарко вздымались красивые сахарные груди.

На левом, кроме волхва Ишуты, никто из людей не жил. Сказывают, Ишута мог вызвать на разговор самого водяного, и тот спешил на встречу с волхвом, рассекая водную рябь, верхом на соме.

Да, именно все так и было. Старый волхв Абарис, что жил в том лесу до Ишуты, решил завершить дела земные и отправиться по другую сторону пепла, в чертоги богов, но просто так сделать он этого не мог. Традиция требовала оставить после себя преемника. Вот и стал волхв почаще бывать в городе, зимой и летом приезжая на волокуше, которую тянул мощный конь Потага, присматриваться да приглядываться к молодежи, в дома заходить, с людьми беседовать.

На самом краю посада, окнами на лес, стояла изба кузнеца Калдыбы, прозванного так за кривоноготь и хромоту. В семье кузнеца было своих детей трое и один приемный, сирота Ишута.

Пять лет назад норманны пришли из-за моря, убили отца Ишуты, а мать полонили и увезли на рабовладельческий рынок в земли заморские. Ишута во время того набега гулял по лесу, как обычно наклонив голову и чего-то высматривая на земле. За эту привычку –

шарить глазами – и прозвали его Ишутой, ищущим, значит. А когда вернулся, только дым и обугленные бревна увидал. И кругом трупы, в основном мужчин. Из жителей своей деревни он один уцелел каким-то чудом. Походил, поплакал, закидал ельником труп отца и отправился вдоль по Днепру куда глаза глядят. Так и вышел ко граду.

Ноги сами привели Абариса к дому кузнеца. С замиранием сердца подходил он к дверному проему, из которого тянуло горьковатым духом печи, сложенной из круглых речных камней. Еще не успел волхв перегородить своим костистым, сухим телом солнечный свет для тех, кто был в избе, как уже услышал:

– Это за мною, тять, – Ишута поднял синие, с облачной присыпкой глаза на Калдыбу. – Пора. Спасибо за теплоту, за хлеб, за назидания и науку. Сестренкам и братику тоже мое спасибо передайте.

После этих слов спокойно поднялся, поклонился в пояс приемным родителям и повернулся к двери, где уже стоял Абарис, отбрасывая сутулую тень на земляной пол.

Ни слова не говоря, волхв кивнул и медленно зашагал к своей волокуше. Потага скосил глазом на отрока, довольно фыркнул, кивнул мордой и неспешно тронулся с места, привыкший не дожидаться хозяина, зная, что тот любит садиться в сани на ходу.

– Вот что, хлопче, времени у меня немного, – заговорил Абарис. – Морена частенько уже на порог захаживает, да все отсрочивает не по своей воле. Не можно выйти мне на волю из черепа отца Рода, покуда не оставлю наследника.

Ишута понимающе кивнул, продолжая идти рядом с волокушей, держась за оглоблю.

– Тебе на вид-то годов десять али ошибаюсь? – Абарис прикрыл ноги полушубком. – Значит, кузнечное дело не шибко еще знаешь?

– Не-а, – отрок вновь посмотрел синими, в облачной присыпке глазами прямо в лицо волхву.

– Чего – «не-а»?

– Мне уже тринадцать зим, только вот не вырос. И в кузнечном деле смыслю неплохо.

– Как же ты такой не рослый-то в кузне управляешься? – Абарис с интересом разглядывал будущего ученика.

– Сила она не в мясе да не в костях! – Ишута стал смотреть под ноги, явно не понимая того, как волхв не может знать простых вещей.

– А в чем же? Мне от тебя уж больно интересно услышать.

– Сила она – здесь и здесь! – Ишута показал рукой вначале на свой лоб, а потом коснулся живота.

– А, и верно. Сам дошел али подсказал кто? – Волхв почесал окладистую, седую бороду.

– Сам. Когда руки болванку не держат и ноги трясутся, то поневоле просишь Яровита, чтоб помог. А он коли помогает, то свою силу тебе дает. Распознать очень просто. Сразу по животу тепло разливается, а в голове светло так и прозрачно, будто в Днепре на плесе.

– Ишь ты как! И правильно ведь все сказал. Только сила может быть и в других частях плоти, а еще вокруг тебя и даже очень далеко в небе или под землей.

– Этого мне знать неведомо! Но догадываюсь давно, что силу доставать можно откуда угодно. Вон взять хоть дерево: корнями из-под земли берет, а ветвями с неба выгребает. Наверно, и человеку так бы надобно.

– Вот этому я и буду тебя учить. А что росточку ты невеликого, так то, парень, не беда.

Абарис натянул полушубок до подбородка и задремал. Сквозь дрему он слышал, как Ишута удивленно спросил:

– Где же дом, куда они едут? Ведь Абарис, по слухам, живет за Днепром. Неужели на впряженной волокуше такое возможно?

Старый волхв только улыбнулся в ответ и погрузился в покой внутреннего созерцания.

* * *

Абарис и Ишута познакомились в очень хорошее время. Тогда еще солнце было от лика самого Сварога: бледный месяц – от его груди, утренние зори – от очей бога, вечерние – от опашня его, ветры буйные – от его дыхания, громы – от его глаголов. И Сварог мог строго наказывать людей за непочтение к какому-нибудь из своих созданий. Тогда еще мог...

Есть такое сказание, очень древнее и весьма поучительное. Это было давно, у Сварога еще не было солнца на небе, и люди жили в потемках. Но вот, когда бог выпустил из-за пазухи солнце, дались все диву; смотрят на солнышко и ума не приложат... А пуще – бабы! Повынесли они решета, давай набирать света, чтобы внести в хаты да там посветить; хаты еще без окон строились. Ну, бабы есть бабы! Уж какие есть! Поднимут решето к солнцу, оно будто и наберется света полным-полно, через край льется, а только что в хату – и нет ничего! А сварогово солнышко все выше и выше поднимается, уже припекать стало. Вздурели бабы, сильно притомились за работой, хоть света и не добыли, а тут еще светило жжет – и вышло такое окаянство: начали они на солнце-то плевать! Сварог прогневался и превратил нечестивых в камень. Но, чтобы на земле порядок существовал и никто боле себя плохо не вел, насадил Сварог волхвов и велел тем, чтобы следили за порядком зорко. Наделил волей своей и призвал карать отступников, а ежели волхвы будут плохо справляться, то тогда он накажет их своими молниями.

Солнце постоянно совершает свои обороты: озаряя землю днем, оставляет ее ночью во мраке; согревая весною и летом, покидает ее во власть холоду в осенние и зимние месяцы. Где же бывает оно ночью? Благодетельное светило дня, красное солнце или Дажьбог, обитает на востоке – в стране вечного лета и плодородия, откуда разносятся весною семена по всей земле; там высится его золотой дворец, откуда выезжает оно поутру на своей светозарной колеснице, запряженной белыми, огнедышащими лошадьми, и совершает свой обычный путь по небесному своду.

Между богами света и тьмы, тепла и холода происходит вечная, нескончаемая борьба за владычество над миром. Дажьбог противостоит злой ведьме, представительнице ночного мрака, темных туч и зимы. Побеждает ее, но и сам терпит боль от ран, наносимых ею. «Зиме и лету союзу нету». В июне месяце солнце, следуя неуклонному закону судеб, поворачивает на зимний путь, дни постепенно уходят, а ночи увеличиваются; власть царственного светила мало-помалу ослабевает и уступает зиме. В ноябре зима уже встает на ноги, нечистая сила выходит из пропастей ада и своим появлением производит холода, метели и вьюги: земля застывает, воды сковываются льдами, и жизнь замирает. Но в декабре солнце поворачивает на лето, и с этого времени сила его снова нарождается, дни начинают прибывать, а ночи – уходить. Чувствуя возрастающие силы врага, зима истощает все свои губительные средства на борьбу с приближающимся летом: наступают трескучие морозы, страшные для садов и озимых посевов, умножаются простудные болезни и падежи скота. В это время простолюдины кладут на окна и у дверей пироги, чтобы черные духи могли отведать угощения, не заходя во двор или в дом.

Еще днепровские люди потчуют мороз киселем, с просьбою не касаться их засеянных полей. Тщетно зима напрягает усилия; в свое время является весна, воды сбрасывают ледяные оковы, воздух наполняется живительной теплотой, согретая солнечными лучами земля получает дар. Возврат весны сопровождается грозами; в их торжественных знамениях всего ярче представляются небесные битвы, в какие вступает божество весны, дарующие ясные дни, плодородие и новую жизнь, с демонами стужи и мрака. В черных тучах сидит нечистая сила, затемняющая ясный лик солнца и задерживающая дожди: подобно ночи туча есть эмблема печали, горя и вражды. Непроста говорят: «Сварог! Пронеси тучу мороком». В раскатах грома

слышатся удары, наносимые Перуном кощеевым тучам, в молниях видится блеск его несокрушимой палицы и летучих стрел, в шуме бури – воинственные клики сражающихся. Черные духи бьются на кулаки в полночь. Громовик разит эту силу своими огненными стрелами и, торжествуя победу, возжигает светильник солнца, погашенный лукавыми духами – туманами и облаками.

* * *

Волхв Абарис был слугой солнца, преданным рабом Дажьбога и Перуна.

По обыкновению, между утренней росой и полуденным солнцем он садился на растрескавшийся пенёк дуба и, держа на коленях таблички, выводил стилем по бересте.

«... Не должно кормить ребенка рыбою – прежде нежели минет ему год; в худом раскладе он долго не станет говорить: потому как рыба нема.

Не должно есть с ножа, чтобы не сделаться злым.

Ежели при весеннем разливе лёд не тронется с места, а упадет на дно реки или озера, то год будет тяжелым.

Ежели упадет со стены фигура, значит, в доме кто-то умрет.

Запрещаю рубить и срезать капусту до того дня, как хозяин леса макнет лапу в реку, а то на сечке или ноже выступит кровь.

При посеве проса не берись за голову и не чешись, дабы не было между всходами головни.

На Масленицу стели полотенце на лавку да ставь фигуры богов; по окончании молитвословия хозяйка должна вскинуть полотенце это на крышу избы, дабы лён народился долгий; ежели полотенце с крыши не скатится, то лён будет ладный.

Не должно варить яйца там, где сидит наседка; иначе зародыши в положенных под нее яйцах так же замрут, как и в тех, которые сварены.

В случае пореза обмакивай белую ветошку в кровь и просушивай у печки: как высохнет тряпица, так рана сама собой затянется. Сушить ветошку надо слегка, не на сильном огне, а то рана еще пуще разболится.

Кто испечет луковицу прежде, чем собран лук с гряд, у того он весь засохнет.

Когда невеста моется перед свадьбою в бане и будут в печи головешки, то не следует бить их кочергою; не то молодой муж будет бить свою суженую. Подруги раздевают невесту, моют и парят ее, избегая всякого шума и приговаривая: «Как тихо моется дитя Сварога, так будет тиха ее жизнь замужняя!»

Вымытые детские пеленки не должно катать по скалке, а потихоньку перетирать в руках, дабы не мучили дитя боли в животе.

Два человека столкнутся нечаянно лбами – знак, что им жить вместе, думать заодно.

Не должно остриженных волос жечь или кидать зря, как попало; от этого приключается головная боль. Волосы нужно собрать, свернуть вместе и затыкать под стреху или в тын. Чьи волосы унесет птица в свое гнездо, у того будет колтун. У кого жестки волосы, у того жесткий, сварливый нрав, а мягкие волосы говорят о кротости. Как с волосами, так и с шапкою следует обращаться осторожно: кто играет своей шапкою, у того заболит голова...

В тот день, когда уезжает кто-нибудь из родичей, избы не мести, дабы не замести ему следа, по которому бы мог он снова воротиться под родную кровлю.

Мать должна завязывать дочери глаза, водить ее взад и вперед по избе, а затем пускать идти, куда хочет. Если невидимая сила приведет девицу в большой угол или к дверям, это случит знаком близкого замужества, а ежели к печке – то оставаться ей дома, под защитою родного очага.

Кто хочет избавиться от бородавок, тот должен навязать на нитке столько же узелков, сколько у него бородавок, и закопать их в землю. Когда сгниет нитка, вместе с нею пропадут и болячки...»

Призывался вещий муж Абарис людьми для унятия разгневанного домового, кикимор и разных враждебных духов, овладевших жильем человеческим; он обмывал притолоки от лихорадок, объезжал с особенными обрядами поля, чтобы очистить их от вредных насекомых и гадов. Когда на хлебные растения нападал червь, то выходил Абарис три зори в поле, нашептывая заклęcia, и делал при концах загонов узлы на колосьях – это называется «заламывать червя», преграждать им путь на зеленеющие нивы. Также волхв был необходимым лицом на свадьбе; на него возлагалась обязанность оберегать молодую чету и всех «поезжан» от порчи. Поэтому шел Абарис всегда впереди свадебного поезда – с озабоченным лицом, озираясь по сторонам и нашептывая, люто борясь с нечистой силою, которая всегда следует за новобрачными и строит им козни.

И просто в затруднительных обстоятельствах: нападет ли на сердце кручина, приключится ли в доме покража или другая беда, отгуляет ли лошадь, угрожает ли мщенье – всегда старый волхв оказывался рядом с тем, кто нуждался в его помощи.

* * *

Умер волхв Абарис, как и положено просветленному, в дни осеннего равноденствия. Только-только зазолотились листья, зазвенели по утрам заиндевевшие росы, от земли повеяло первым дыханием зимнего холода. Старик сам поутру наносил воды в баню, потом поработал над свитками, а на вечерней зорьке тихо опочил, прямо на завалинке.

Произошло это спустя два года, как они с Ишутой познакомились на правом берегу Днепра, в доме кузнеца.

Теперь Ишута стал первым, кто находится ближе всех к солнцу. Молодой человек, а Ишуте пошел шестнадцатый год, взял на руки высохшее тело своего учителя и понес в баню. Там омыл старика, замотал в льняной саван, ветошью, которую использовал для омовения, обмотал покойнику голову. На задней части двора был уже сложен костер. Ишута долго смотрел на завывающее пламя, теребя тесемки рубахи, пока дрова не прогорели. После этого, собрав прах, он отнес глиняную урну в святилище.

* * *

Горечь от потери шевелилась колючим ежом где-то у горла. На пороге избы он замер, совершенно четко понимая, что войти внутрь он уже не сможет, по крайней мере не сейчас. В сенях находились оружие Абариса, его панцирь, боевые рукавицы и сапоги. Панцирь, сделанный из конских копыт, имел невероятную прочность; тонкие пластины соединялись между собой бычьей жилой таким образом, что повредить, разрубить соединительную нить было невозможно, вся она проходила с изнанки. Абарис часто поддевал свой доспех под обычную холщовую рубаху и выходил на люди.

Есть такая забава, точнее сцена, где волхва бьют кнутом злые разбойники, пытаясь выместить на нем свои жизненные неудачи. Обычно бывало такое на День Макоши. Вот бьют ражие, здоровенные мужики плетями старого волхва; тот и впрямь делает вид, что ему больно, но дразнить своих мучителей при этом не перестает, а только, знай, по земле катается, извивается, сворачивается клубком, но вдруг, точно чайка на охоте, вначале падает вниз лицом, раскинув руки, на землю и тут же стремительно выбрасывается весь вверх, и сразу двое, а то и все четверо «разбойников» катятся по земле.

Ишута никак не мог понять, как это ловко так получается у Абариса: только кулаки и подошвы ног в разные стороны в мгновение ока, и враг уже повержен. Сколько ни просил учителя показать, тот только улыбался да приговаривал: «Всему свое время, сынок!»

Посох – страшное оружие волхва. Изнутри полый, клеенный из нескольких пород дерева, он обладал невероятной упругостью и в то же время легкостью. Абарис вращал им так, что «посохов» становилось невероятное количество и сосчитать их не представлялось возможным, а еще его можно было согнуть, накинуть тетиву – и вот уже боевой лук. Но и это не все. Маленькие стрелы, или жало гадюки, как любил называть их сам Абарис, предназначались для «плевания». Они посылались в полет резким выдохом сквозь полую часть посоха и несли на своих маленьких костяных наконечниках смертельный яд, приготовленный еще в незапамятные времена старухой Харой. Также посох использовался в качестве копья: узкий стальной наконечник (лисичка) мог сниматься вместе с пробкой и убираться внутрь, но при необходимости легко извлекался и, плотно садясь в горловину, становился самой смертью во плоти сверкающей стали.

Ишута обрядился в доспех Абариса, натянул его сапоги, заткнул за пояс боевые рукавицы, взял посох и пошел искать того, без кого нельзя было стать настоящим волхвом.

Аника-воин гостил в ту пору в землях полабов. Абарис тоже поступал когда-то к Анике в ученики, но, рассказывая о нем, не мог описать своего мастера. Говорил только, что он очень быстр, лица забралом не закрывает во время боя, но черт никак вспомнить не мог старый волхв. Помнил лишь губы, вытянутые не то в улыбке, не то в гримасе.

* * *

В придорожной харчевне сумерки ходили по углам, поскольку утренний свет, лившийся из окна, падал на середину помещения и хорошо освещал лишь один стол из четырех. Наспех оструганные доски стола были отшлифованы до жирного блеска рукавами, ладонями, а иногда и лицами посетителей; в темные щели набились крошки хлеба, рыба чешуя, высохшие трупы насекомых, нашедших здесь свою долю. На самом краю, свесившись едва ли не на половину, стояла масляная лампа, которая нещадно коптила. Ее забыли потушить на ночь или...

За столом на скрещенных руках спал человек. Длинные, слипшиеся от естественной грязи и земного праха волосы падали вдоль плеч, отливая на свету рыжеватой медью. Он-то и не потушил лампу на ночь. Но поскольку щедро заплатил хозяину, то мог делать все что угодно.

Когда Ишута вошел, осторожно ставя ногу на скрипучую половицу и придерживая одной рукой ветхую дверь, человек оторвал голову от креста своих дланей. То ли челка спутанных волос была настолько длинной, то ли утренний свет был еще не совсем ярок, но юный житель Верхнего Днепра не разглядел лица, повернутого на него. Только кривая полуулыбка чуть полноватых, синих губ.

– Эй, закажи выпивки! – сквозь плотную паутину волос на Ишуту сверкнули серые, точно сталь клинка, глаза. – И не туши лампу. Пусть светит. Не люблю, когда темно! – человек снова уронил голову в прежнее состояние.

Откуда-то из полумрака вышел полный человек с трясущейся нижней губой.

Ишута запустил руку в кошель.

– Не-е, не нужно денег, молодой человек. Шли бы вы отсель подобру-поздорову!

– Я ищу Анику-воина? – Будущий волхв не узнал своего голоса.

– Его здесь нет. Вы же видите! – Хозяин мял подол кожаного передника липкими руками.

– А где мне его...

– Не знаю, не знаю. Ступайте прочь! – он вытолкнул гостя за дверь и задвинул засов.

Выйдя на открытый воздух, Ишута бесцельно побрел по каменной улице в сторону восхода солнца. Так уж устроен человек: если идти некуда, то он выбирает путь на светило. Да к тому же кому, как не Ишуте, ученику Абариса, еще куда-то идти?

Булыжная мостовая пошла под небольшой уклон, затем резко вильнула вправо, описала петлю вокруг островерхого, как показалось Ишуте, очень мрачного здания и потянулась в западном направлении. «Чудно!» – думал про себя днепровец, не привыкший видеть трех-четырехэтажные дома, в которых проживало сразу несколько семей. Но больше всего ему не нравился этот удушливый, сладковатый дух городских помоев, которые текли себе прямо по улице, и нужно было все время думать о том, куда ставить ногу, чтобы не угодить в открытое дерьмо и, чего доброго, не поскользнуться на «ровном» месте.

Глава 2

«...Завяжу я по пяти узлов всякому витязю немирному, неверному, на луках и всяком ратном оружии. Вы, узлы, заградите воинам все пути и дороги, замкните мечи в ножнах, опутайте все луки, повяжите все пики, палицы, копья, рогатины; и воины бы из луков меня не били, стрелы бы их до меня не долетали, все ратные оружия меня не побивали. В моих узлах сила могуча змеиная сокрыта – от Змея двенадцатиглавого...

Вначале сотворил Сварог небо и воду. Плавал в своей лодии по воде, летал на колеснице по небу. Но однажды пришел к нему Змей в образе хрупкого молодого юноши и говорит: «Хороши твои воды, отец Сварог, прохладны и медовы небеса твои, но только вот отдохнуть совсем негде. Сделал бы ты землю?» Не смог распознать бог в красивом юноше премудрого Змея. Подумал-подумал, почесал серебряную бороду и, отрезав от мышцы своей, сотворил землю. И была она поначалу ровной и гладкой, что даже глаз не мог ни за что зацепиться. Сколько ни насылал Сварог на землю стада небесных коров, ни одной капли заветной влаги не упало. Кругом, покуда хватало зрения, только голая пустыня из жгучего песка. Тогда-то и понял он, что это коварный Змей сжал своими кольцами тучи и не пускает их. Бросил он противу Змея Перуна-громовика, и тот своею палицею заставил Змея разжать кольца. Пролились на землю первые большие дожди. Потоками спускалась с небес вода. Вскоре после этого образовались реки и озера, поднялись могучие дубравы, зашумели моря. Змей же, убегая от Громовика, так бил хвостом, что образовались горы. В конце концов спрятался хитрый злодей под землю...»

* * *

Ишута услышал сдавленный женский крик в самом конце улицы, которая выходила на безлюдный городской пустырь. Постоял, прислушался. Крик повторился, но уже совсем глухо и еле слышно. Почуввав неладное, молодой человек устремился на звук.

Четыре сакских наемника и девушка! Она билась на заплеванной на земле, выгибаясь тонким станом. Лица видно не было. Толстые мужские руки обхватили его, еще двое держали за ноги, четвертый торопливо расстегивал ремень на штанах.

– Отпустите ее, люди добрые! – Ишута подошел на несколько шагов и замер, вперив окаменелый взгляд в насильников.

Один из саков вскинул голову и, увидев перед собой щуплого, невысокого человека, только ухмыльнулся.

– Ты постой немного да посмотри. Глядишь, и самому захочется девкой побыть! – Наемник заржал. Остальные трое тоже не стали сдерживать звериного смеха.

– Не причиняйте боли невинной деве, ибо кара из чертогов небес падет на вас! – Ишута до белых ногтей сжал свой посох.

– Ну, ты надоед, как плешивая собака! – Один из саков поднялся и бросился на волхва.

Юноша этого и ждал. Он стремительно выставил вперед конец посоха и, на противоход поймав противника, буквально раскрошил тому зубы. Древко глубоко проломило неприятельскую гортань и едва не вышло с другой стороны наружу. Выбитые зубы вместе с кровавой слюной и черными ошметками плоти полетели на мостовую. Оружие волхва не оставило никаких шансов похотливому саку, который опрокинулся навзничь, ударился головой о камни и, дернувшись несколько раз в судорогах, испустил дух.

Несколько мгновений стояла оглушительная тишина. Наемники настолько опешили от неожиданности, что отказывались верить собственным глазам. Ишута выдернул из торца

своего посоха пробку, и вот уже тонкий наконечник-«лисичка» обращен на неприятеля. Затем сверкнули в предутреннем сумраке сразу три клинка, сухо шипя, вылетели из ножен.

Ишута вспомнил прием «чайка», который не раз демонстрировал Абарис в схватках на Днепре, и горько пожалел, что еще не до конца овладел этой техникой. Он отскочил в сторону, отражая вражеский выпад таким образом, что сталь только вскользь прошлась по древку. Прямой удар посох мог не выдержать. «Лисичка» точно молния несколько раз вспорола воздух. Нужно не дать себя окружить, не позволить им идти во фронт.

Молодой человек отступал, отбивая удар за ударом, пытаясь поставить соперников так, чтобы оказались перед ним по одному. Но наемники, похоже, тоже неплохо знали свое дело.

Тогда Ишута сделал вид, что убегает. В беге нет равных: всегда кто-то чуть расторопнее, а кто-то медлительнее. Тут главное – не прозевать свой шанс. Молодой волхв бежал легко, не оборачиваясь, определяя по дыханию преследователей, на каком они находятся расстоянии. Когда почувствовал, что пора, резко остановился, развернулся и направил «лисичку» в лицо одного из наемников. Узкий наконечник вошел саку в глаз. Слышно было, как хрустнуло глазное дно, и в следующий миг мозг поверженного превратился в мертвый, потухший навеки кусок угля. Следующему Ишута нанес удар тупым концом посоха в область горла. Затем встретил рубящий выпад сверху вниз, уклонился и ударил ногой третьего наемника в подколенный сгиб. А когда сак рухнул в сточный ручей, прижал его кисть, сжимавшую меч, ногой к земле и приставил острие «лисички» к горлу.

– Не добивай их! – раздался звонкий голос. Ишута удивленно вскинул глаза. – Пусть живут. И каждый день до самой своей смерти помнят о своем позоре! – добавила девушка, подходя к волхву.

– Как тебя зовут? – Ишута ударил каблуком в болевую точку на запястье сака. Клинок стукнулся о камень, выпав из лишенной воли руки. Ишута носком сапога отбросил оружие на несколько шагов.

– Чайана! А тебя?

– Меня – Ишута.

Два покалеченных сака, хрипя, ползали по земле. Все их попытки подняться на ноги ни к чему хорошему не приводили. Снова и снова наемники падали в сточную грязь, полностью потеряв себя в пространстве и времени и совершенно не понимая, что же все-таки с ними произошло.

– Ха-х! Ишута! – Чайана негромко рассмеялась. Казалось, что девушка уже забыла про тот ужас, который буквально минуту назад пережила. Но таковы все женщины, наверно. – Что значит «Ишута»? А нет, погоди. Дай я сама подумаю.

Молодой человек по привычке наклонил голову и стал вглядываться в камни мостовой.

– А-а, поняла-поняла! – Девушка захлопала в ладоши. – Тебя так называли потому, что ты все время чего-то ищешь глазами, ведь так?

Чайана оказалась выше Ишуты едва ли не на полголовы. Темно-русые пряди волос водопадом сбегали на плечи и хрупкую спину и обрывались там, где соблазнительно колыхались под тонкой бордовой тканью два трогательных холмика. Серо-голубые глаза смотрели восторженно, но не без удивления.

– А тебе-то сколько лет? – Ишута понял, что девушка не понимает, как это он, такой маленький и щуплый, одолел здоровенных наемников, и, конечно, не может оценить его возраст.

– Вот дурачок! У девушек не спрашивают о возрасте! – И через легкую паузу: – А тебе?

– Мне пятнадцать.

– Пятнадцать?! А выглядишь, как мой младший брат, которому только исполнилось двенадцать. И где ты такому научился?

Ишута не стал отвечать на вопрос, а лишь исподлобья посмотрел на Чайану.

– Да, мне тоже пятнадцать! – Девушка одернула юбку. – Я на постоялом дворе у Рафаила посуду мою. Работаем до последнего посетителя, вот и приходится горб растить чуть ли не до утра. А дома – больной отец и младший брат. Матери нет уже давно – чума!

– А что у вас делают саки?

– Нашим правителям пришло в голову, что против нурманна только сак может ратничать. Остальные не выдюжат. Но, похоже, нурманнам до нас вообще никакого нет дела, зато саки жируют за счет городской казны и, сам видел, чего выделяют!

– Отец болен? – Ишута с жалостью посмотрел на Чаяну.

– Не приведи такого никому. Он был когда-то знатным воином. Нанимался на службу в дальние страны и предлагал свой меч самым разным правителям. Но однажды... – девушка запнулась, – я не знаю, что на него нашло. Вдруг он тебе обо всем захочет рассказать сам?.. Пойдем к нам. Утро уже скоро, но отдохнуть время еще есть.

– Да некогда мне. Я ищу одного человека.

– Может, я смогу подсказать?

– Наверяд ли. Он сам не из полабов¹⁰. Гостит здесь. Но мне он очень нужен.

– Я всех приезжих знаю. Они тут как на ладони.

– Его зовут Аника-воин, человек без лица.

Услышав имя, Чаяна заметно вздрогнула, Ишуте даже показалось, будто девушка отшатнулась от него.

* * *

Край горизонта на востоке стал похож на полоску белого металла. Отточенное лезвие рассвета медленно поднималось, вспарывая темную, плотную ткань бархата ночи. Дорога резко пошла под уклон, петляя между крепкими заборами, заслонявшими дома, сады и палисадники от посторонних глаз. Наконец молодые люди остановились напротив дубовых ворот с крепкой, обитой толстой кожей дверью. Чаяна поскребла ключом и, осторожно просунув руку в открывшееся окошечко, отодвинула засов изнутри.

– Входи. Ты же знаешь, я не могу уснуть без тебя. Скребешься, как мышь в подполе. – Скрипучий голос слетел с высокого крыльца одноэтажного деревянного дома.

Человек сидел в деревянном кресле, ножки и подлокотники которого были украшены крупной резьбой. Один глаз полностью закрыт изуродованным веком, по всему лицу пролегли глубокие борозды морщин и шрамов; и того, и другого так много, что нетронутые участки кожи выглядели нелепым диссонансом. Могучие, узловатые кисти рук покоились на коленях.

Ишута обратил внимание на то, что колени мужчины сведены, как это чаще всего бывает у неходячих больных. Вообще в сумраке на расстоянии нескольких шагов отец Чаяны выглядел настоящим старцем, но, подойдя поближе, молодой волхв по коже открытых до локтей рук понял, что мужчине лет пятьдесят.

– Отец, это Ишута. Он сегодня меня...

– Это новый друг нашего Кнеля? – мужчина не дал договорить Чаяне. – Какие они все малорослые!..

– Нет, отец. Он... он меня... – девушка явно подбирала слова, чтобы как можно меньше огорчить отца.

– Ну, говори, Чаяна. Ни за что не поверю, глядя на этого задохлика, будто бы он твой кавалер! Да и рановато тебе... Ладно, дочь, иди в дом, а парню хоть воды поднеси. Нельзя же отпускать человека, не угостив. – Мужчина тяжело вздохнул и, уже обращаясь к Ишуте, доба-

¹⁰ Полабы (полабяне) – средневековое западнославянское племя, входившее в племенной союз ободритов. Полабы населяли земли по правому берегу нижней Лабы к северо-востоку от Гамбурга, к югу от реки Траве.

вил: – Кроме воды, в этом доме других угощений нет, с тех пор как я перестал ходить и иметь возможность наниматься на службу. Так-то, парень!..

– Благодарствую, добрый человек, – поклонился волхв. – Я с большим наслаждением утолю жажду. – Ишута принял из рук девушки ковш и припал к нему иссушенными губами.

– А что у тебя за палка, парень? – покосился мужчина.

– Можно узнать ваше имя, добрый хозяин? – Волхв отер губы рукавом.

– Я не замечу, что непочтительно со старшими отвечать вопросом на вопрос. Меня зовут Славарад! – Мужчина прищурил здоровый глаз и принялся разглядывать посох. – Карлик меня обесчестил! Это явно очень неплохая подделка под боевой посох! Я видел однажды такой. Гостил у нас как-то человек с Верхнего Днепра.

– Это не подделка, мудрый Славарад! – вскинулся Ишута. – Посох, который я держу в руке, некогда принадлежал волхву Абарису.

– Ты шутишь, парень! Так шутить нельзя...

– Я могу доказать это на деле! – Ишута напрягся.

– Отец, он сегодня защитил меня от четырех саков. Знаешь, что он сделал с ними? – вmeshалась Чайна.

– И что же он такого с ними сделал? – В голосе Славарада сквозило сомнение.

– Хм... – Ишута бросил короткий взгляд на деревья, растущие вокруг дома.

Разбежался и, уперев конец посоха в землю, оторвался от земли, высоко закинув ноги над головой. В мгновение ока он оказался на ветви вяза и натягивал тетиву, превращая посох в стрелковое оружие.

– Откуда ты, парень? – На лбу Славарада выступили крупные капли пота.

– Я ученик того, кого ты видел с этим посохом, – волхва Абариса, – Ишута поднял лук, и маленькая стрела со свистом вспорхнула с тетивы.

В ту же секунду ягода вишни, одиноко висевшая на ветке у верхней части крылечного столба, брызнула ярким соком.

– Я, кажется, догадываюсь, кто тебе нужен! – Славарад смахнул пальцем с кончика своего носа алую капельку.

– Без него я не смогу стать настоящим волхвом, – юноша легко спрыгнул на землю.

– Восемь лет назад Морана затмила мой разум, и я обозвал лучшего из лучших выскочкой, дешевым карликом от меча и просто засранцем, – заговорил Славарад. – Чего я хотел? Славы... Да, Ишута, мы все, кто любит позвенеть сталью, обожаем только ее, славу! Мне казалось, что, если я разделаюсь с Аникой, мой меч вырастет в цене в несколько раз. Но Аника не появляется на состязаниях; он подсмеивается над теми, кто участвует в подобных вещах. Во всяком случае, я был твердо убежден в этом. Он ведь и со мной не хотел драться. Но я пообещал вначале обрить своим клинком его голову, а затем и принести ее на городскую площадь, чтобы все увидели наконец лицо человека, скрывающееся под длинной челкой. Он долго не реагировал на мой вызов, тогда я по-настоящему распетушился и стал обзывать его помойной собакой, крысиным выкорышом и так далее. Я веселил всех, кто слышал меня, начиная с постоянного двора и заканчивая центральной городской площадью. И однажды мы сошлись... Встреча произошла в лесу. Я так и не понял, каким оружием дрался Аника. Да и дрался ли?.. Я видел только серо-коричневый вихрь размером с человека. Вихрь этот показался мне прозрачным, потом губы, растянутые в печальной улыбке... И больше ничего. Схватка длилась несколько мгновений. Понятное дело, я ничего не успел толком сообразить, и сразу – страшная боль в коленях, которые сломались от удара неведомым оружием со страшным хрустом. Пока я падал, он нанес мне еще несколько ударов по лицу, один из которых полностью парализовал веко и сделал меня одноглазым... Ты скажешь, Аника жестоко обошелся со мной? Но что ему оставалось делать? Отпусти он меня целехоньким, разве бы я уgomонился. Да и за все нужно платить, ведь так?.. Я не знаю, что бы стало с Чайной и совсем еще маленьким Кнелем,

если бы он, этот Аника, не бросил мне на грудь целый кошель золотых монет... Мы до сих пор, хоть и весьма скромно, но все же отчасти живем на его деньги. Вот так я стал калекой и теперь из этого кресла смотрю на текущую за воротами жизнь, – Славарад глубоко вздохнул и попросил Чаяну укрыть его одеялом.

Через минуту он уже крепко спал. Прохладный утренний ветерок теребил его сухие белые волосы. Неподвижны были калечно-сведенные навеки ноги. Неподвижны жилистые, узловатые руки. И лишь тонкий след от одинокой слезы на морщинистой, иссеченной шрамами щеке светло и остро поблескивал в лучах восходящего солнца.

Глава 3

«...В начале веков, когда еще не было ни земли, ни неба, существовала огромная раз-верстая бездна. По обоим концам бездны лежало два царства: на юге – Муспелльхейм, царство света и тепла, и на севере – Нифльхейм, царство мрака и холода. Посреди Нифльхейма бил источник Нвергелмир, от которого исходили двенадцать закованных льдами потоков. От действия южной теплоты льды начали таять, а из растопленных капель произошел первозданный великан Имир. Во время сна Имир вспотел. В плодоносном поте под его левой рукою родились муж и жена, а ноги его произвели шестиглавого сына – так возникло племя инеистых великанов. Лед продолжал таять, и явилось новое существо – корова Авдумбла. Из четырех сосцов ее лились млечные потоки, которые питали Имира. Сама же она лизала ледяные скалы, и к вечеру первого дня образовались от того волосы, на другой день – голова, а на третий день предстал огромный и сильный муж по имени Бури. От этого Бури родился Бьерр, который взял за себя дочь одного из инеистых великанов, и плодом их супружеской связи были три сына, принадлежащие уже к числу богов – Одхинн, Вили и Ве. Эти три брата, представители бурных гроз, убили Имира, и из ран его излилось так много крови, что в ней потонули все инеистые великаны. Только один успел на ладье спастись со своей женою, и от них-то произошла новая порода великанов. Сыновья Бьерра бросили труп Имира в разверстую бездну и создали из его крови море и воды, из мяса – землю, из зубов и костей – скалы, утесы и горы, из волос – леса, из мозга – облака, из черепа – небо, на котором утвердили огненные искры, вылетающие из Муспелльхейма, дабы они освещали землю как небесные светила. Земля была кругла и со всех сторон опоясывалась глубоким морем, за которым обитали великаны...»

* * *

«Хрофтогюр» и «Фенрир» легли темными, широкими днищами на желтый береговой песок Днепра. И началась бойкая выгрузка товаров.

Хроальд стоял на носу своего драккара и пристально вглядывался в городские укрепления. Без привычного шлема голова конунга напоминала мелко обкусанное яблоко, угловидное в редкую, гнилую солому: седовато-рыжие длинные патлы росли несколькими островками, большую же часть черепа занимали плешины, на которых кривились и отливали синевато-лиловым цветом желваки и натертости от боевого шлема.

Все остальные викинги трудились, таская мешки и тюки, набитые добром, на берег. Со стороны, если отойти шагов на сотню, все выглядело вполне безобидным купеческим муравейником. Никто из местных жителей ничего и не заподозрил: слишком уж немного норманнов, да и товара вон сколько выгружают! До чужого ли тут?

Откуда же местным знать, что добрая половина тюков по приказу Хроальда набита разным мусором специально для отвода глаз. А самого-то товара, видит Тор, на полдня торговли, да и то в лучшем случае.

План Хроальда был прост: для начала развернуть торговлю, чтобы вызвать интерес у местного населения, затем, улучив подходящий момент, выкатить бочку с хмельным зельем и, хорошо подпоив любителей погулять за чужой счет, втянуть в «молодецкую забаву» парней, что покрепче да помоложе. Понятное дело, поглядеть на «забаву» придут и местные молодые красавицы. А вот тут уже не зевай! Такая тактика срабатывала не раз. И нового Хроальд ничего придумывать не собирался.

Маленький и хрупкий на вид человек наблюдал за происходящим с левого, противоположного берега Днепра. Длинная прядь серебряных волос закрывала верхнюю часть лица. Точ-

нее, хорошо видны были лишь губы, растянутые в печальную улыбку. А недавно увидевшие свет усы и борода постреливали в лучах солнца золотыми искорками.

Ишута стоял, опираясь на посох своего учителя.

Так получилось, что день возвращения Ишуты в родные края совпал с днем прибытия «Хрофтогюра» и «Фенрира». Почти пять лет молодой человек провел бок о бок с лучшим из лучших – Аникой-воином, который согласился взять его в обучение. Вместе они побывали во многих закатных странах, да и во многих рассветных тоже. Посетили десятки боевых школ, обменялись опытом со многими мастерами рукопашного и стрелкового боя.

Аника заставлял своего ученика наблюдать за полетом и поведением птиц, повторять движения хищных животных, учиться чувствовать приближение опасности у тех, кто питается подножным кормом. Когда пришло время расставаться, Аника впервые обнял ученика и сказал:

– Кажется, я и впрямь смог из тебя кое-что вылепить! Но человек без дома подобен щепке в океане – он пуст, сиротлив и гол. Тот, кому неоткуда уходить и некуда возвращаться, забывает рано или поздно, ради чего он существует в своем теле, не понимает, кому или чему он должен служить.

Бездомный пес, которого можно пнуть и сказать: «Иди, поживи в другом месте», в конечном итоге становится озлобленным и недоверчивым. Он быстро забывает руку, кормившую его, потому как совершенно правильно думает, что кормили его и приручали только лишь из баловства или праздности. А любое живущее на земле существо испытывает острую необходимость в том, чтобы быть кому-то преданным, чтобы служить и в этом служении испытывать радость и жажду жизни. Но в награду за преданность и служение должен быть дом.

Волхв служит людям, но всегда возвращается домой после трудного дня, где у него развешаны пучки целебных трав, где стоят кувшины с бальзамами и снадобьями, где его ждет верный пес или выносливый и закаленный в трудах конь. Человек входит в свое жилище, и оно встречает его каждой трещинкой в бревне, каждым камнем печи, каждым углом. Хозяин и дом находят друг друга во взаимных объятиях. Человек получает отдохновение и восстанавливает силы, а дом оживает, начинает дышать и радоваться. Родные запахи, дорогие сердцу предметы, даже шебуршание в углу знакомой мыши – все это успокаивает дух и расслабляет натруженные члены. Что бы ни происходило за пределами дорогих стен, в каких бы жизненных ситуациях человек ни оказался, знание того, что ему есть куда вернуться, есть где спрятаться самому и укрыть от ненастья кого-то еще, делает его сильным и уверенным в себе. Тот, кто имеет свой дом, всегда держит голову высоко, а спину прямо, поскольку ни от кого не зависит и в любой момент может помочь нуждающемуся. Приятно и трепетно принимать чью-то помощь, но по-настоящему счастлив тот, кто имеет силы сам оказать ее.

Ты полюбил путешествия и приключения, Ишута. Я тебя понимаю. Но, поверь, очень скоро, еще каких-нибудь пару-тройку лет, и тебе все это надоест. Надоедят чужие страны, чужие женщины, чужая еда. Ты пресытишься странствиями. И что тогда?.. Я могу тебе сказать на своем опыте. Ты начнешь пустеть изнутри, подобно дырявому кувшину, из которого тонкими струйками вытекает животворная влага. Все, что ты по-настоящему умеешь в жизни, – это драться, а значит, рано или поздно ты просто погибнешь в какой-нибудь потасовке на каком-нибудь захудалом постоялом дворе.

Ты спросишь: почему же я, Аника, до сих пор живу и держусь?.. Но посмотри на меня. Я прячу под челкой большую часть лица, чтобы люди не видели безжизненных, опустелых глаз, из которых давным-давно уже смотрит на мир черным, сухим льдом смертельная бездна. Поверь, я бы уже давно подставил горло под опытный меч, если бы не ощущение того, что я встречу тебя. Почему именно сейчас я прогоняю тебя от себя? Да потому, что знаю, как нелегко тебе будет вернуться, удержишься ты на чужбине еще на какие-нибудь пару лет. Чужой мир окончательно подчинит тебя своей воле, которая начнет мало-помалу высасывать тебя, одно-

временно заполняя образующиеся пустоты энергией чужих богов, ты даже не почувствуешь, когда перестанешь нуждаться в родине.

Ты наверняка обратил как лекарь внимание на то, что срок жизни приезжих чужестранцев обычно на 10–15 лет меньше тех, кто живет там, где родился. Покинувшие свою родину и оказавшиеся в других землях более подвержены болезням, у них вдруг появляются ужасающие, неизлечимые язвы, от которых плоть сгорает или высыхает до неузнаваемости. Но самое страшное: в их глазах живет нескончаемая душевная боль. Даже когда приходит, казалось бы, время радости и веселья, они не могут отдаваться праздникам с полным сердцем, как это делают рожденные этими праздниками и внутри их. Я мог бы еще долго говорить, Ишута. Очень много накопилось того, что нужно выговорить. И, как ты понимаешь, это результат моей бездомности и одиночества. Ты получил все то, чем я владею сам. И теперь тебе нужно возвращаться домой. Я все сказал!..

После этих слов старый Аника повернулся к Ишуте спиной и пошел прочь в сторону узкой полосы синеющего вечернего леса. Молодой волхв с холодком в груди заметил, как резко постарел непобедимый воин, как сильно сторбилась его спина, как потяжелела походка.

Когда фигура одинокого путника окончательно растворилась в сумерках, молодой человек сдернул с головы волчью шапку, и прядь светло-русых волос опрокинулась непокорной волной, закрывая верхнюю часть лица. Уже давно втайне от всех Ишута подстригал свои волосы на манер Аники.

Но, похоже, боги так и не смогли определиться в своих желаниях по поводу молодого волхва. Макошь хотела видеть его врачом, Перун – воином, а Сварогу вдруг пришло в голову, что неплохо было бы сделать маленького и шуплого на вид человека не кем-нибудь, а кузнецом, заговаривающим мирную и ратную сталь. Да не каким-нибудь незаметным, а чтобы не хуже самого Брутена с Заокских берегов. А для чего, спрашивается? Да все для того, чтобы маленькие люди, глядя на Ишуту, не чувствовали себя обделенными. Ох уж этот батя Сварог!..

* * *

Ишута и впрямь почувствовал внутренний позыв. Произошло это на самой границе полабской земли на маленьком постоялом дворе. Ему вдруг страшно захотелось оказаться в кузнице приемного отца, снова вдохнуть запах горячего металла. Он всерьез начал думать о том: а не обзавестись ли своей кузницей на левом берегу? Мысли эти на какое-то время притушили горечь расставания с Аникой-воином. Но обычным кузнецом волхву быть нельзя, значит, нужно научиться заговаривать сталь. А эту науку может преподавать только старый Брутен. Значит, нужно навестить на Оку.

Воображение стало уносить молодого человека далеко, в пространство спокойного житейского счастья, как неожиданно с гулким стуком прямо перед его носом выросла кружка с элем.

– Я присяду?

Ишута поднял глаза и увидел довольно опрятного человека средних лет. Лицо мужчины было вытянуто чуть вперед, глаза сощурены, остры, словно иглы, и почти неподвижны. Но больше всего удивило шипение, сопровождавшее всего одну, да и то короткую, фразу. Незнакомец действительно чем-то напомнил Ишуте змею.

Волхв кивнул в знак согласия, при этом озадаченно обведя совершенно пустое помещение настороженным взглядом. Зачем постороннему человеку нужно подсаживаться к занятому столу, если полно пустых? Рука потянулась к посоху, но незнакомец только усмехнулся и махнул рукой:

– Не стоит беспокоиться! Я не собираюсь сегодня причинять кому-то зло! – И снова шипение, после каждого слова, словно во рту не ровный ряд зубов, а забор из покосившихся

жердей с изогнутыми щелями, с которыми забавляется, точно с любимой игрушкой, южный неверный ветер.

Ишута продолжал молчать, внимательно следя за невесть откуда-то взявшимся соседом.

– Иногда не нужно много ума, чтобы читать чужие мысли, не так ли? – продолжал невозмутимо незнакомец. – Я сегодня видел, как один маленький человек с интересом наблюдает за недавно подкованной лошастью. Ее и впрямь неважно подковали. Согласен. Странное дело, но человек всегда тянется к тому, что для него наиболее недостижимо. Ты смотришь на лошадь, и тебе кажется, что ты бы ее подковал намного лучше. Да что значит лучше? Ты бы сделал все правильно! При этом совсем забывая про свои маленькие руки, непригодные дляковки, смешной вес тела, который не позволит, как ни старайся, поднять молот или хотя бы просто от зари до зари работать малым молотком. Чем меньше человек, тем более страстно он мечтает стать Гераклом.

– Кто такой Геракл? – Ишута заинтересованно сверкнул глазами.

– Вроде человек и в то же время не совсем. Он – герой эллинских легенд. В общем, он воин, совершивший ряд небывалых подвигов.

– А Анику твой Геракл знает?

– Думаю, что нет. Геракл жил очень давно. За много веков до нас. А Аника-воин жил совсем недавно, можно сказать, только что.

– Почему «жил»?

– Потому что он уже три дня как не живет! – Шипенье стало еще явственней.

Незнакомец подался вперед, пытаясь разглядеть сквозь длинную челку лицо собеседника.

Ишута невольно отшатнулся. Волна ледяного холода пробежала от затылка до самых пяток.

– Он уже три дня как умер! Нет его! Кончился Аника-воин! – незнакомец расхохотался.

«Никогда не верь первому встречному. Перепроверяй слова одного словами других!» – вспомнил Ишута наставление Аники.

– Ты не веришь мне, а зря! – Человек со змеиным лицом вытащил из поясной сумки кусок ткани и швырнул на край стола. – Разверни, не бойся. Это уже не кусается! – он снова закатился в шипучем смехе.

Ишута развернул тряпку и тут же едва не потерял сознание. Перед ним лежала хорошо знакомая прядь седых волос. Та самая, которая много лет скрывала лицо великого бойца и не давала прочесть противнику мысли хозяина. В каком-то запредельном оцепенении молодой человек смотрел на волосы учителя и отчетливо понимал, что того и вправду нет в живых. И вспомнилось: «...я давно мог бы подставить свое горло под опытный меч...» Значит, подставлял. И неужели этому, этому... похожему на уродливую змею?!

Когда Ишута поднял потемневший от боли взгляд, незнакомца уже и след простыл. Только в ушах еще долго продолжала шипеть последняя фраза: «Не сейчас! Твоя челка мне пока нужна на твоей голове!...»

* * *

Молодой волхв разглядывал норманнские драккары, которые своим видом напоминали страшных чудовищ; на носу высились, раздувая огромные ноздри, головы драконов, корма же заканчивались изогнутыми хвостами. Ишута смотрел и думал о незнакомце с мерзким, шипящим голосом, которого довелось повстречать на границе полабских земель.

Прядь волос Аники-воина он еще там аккуратно завернул в плат и пришил к внутренней стороне натальной рубахи.

Неожиданно волхв почувствовал чей-то ледяной взгляд на своей спине. Резко обернулся. Никого. Только ветки молодого осинника качались от легкого днепровского ветра.

Ишута снова продолжил наблюдать за действиями викингов. Вспомнились слова Абариса: «Если не знаешь, как поступить, – лучше не делай ничего!» Он просто смотрел, однако совершенно четко понимая, что гости из северных земель приплыли не торговать. Ему пришлось видеть, как зверствовали эти нелюди на Рейне, когда они с Аникой гостили у одного фехтовальщика-франка. После этого никаких иллюзий на их счет Ишута уже не строил.

Через некоторое время он вновь почувствовал неприятный взгляд на спине. Обернулся. На этот раз в нескольких шагах от себя увидел гадюку, которая, задрав заостренную головку, тускло поблескивала черными камешками глаз в его сторону. Ишута шикнул на нее. Змея лениво подалась с нагретого места.

Хроальд хлопнул в ладоши. Тут же здоровяк Халли, смачно крикнув, подхватил бочонок с вином и резким движением забросил его себе на плечи. Сбежав по трапу с грузом, Халли аккуратно, словно хрупкую невесту, поставил бочонок на землю, легонько стукнул по нему широченной ладонью и веселым, подначивающим взглядом обвел толпу местных жителей.

– Может пить только тот, который будет играть с нами! – громко выкрикнул Хроальд, широко улыбнувшись и обнажив полубеззубый рот. – А играть так надо! Вот смотри, кривичский богатырь.

Херсир подхватил деревянную чурку и кинул ее Халли, а Халли, в свою очередь, – Ульффрику, тот – еще дальше. Чурка прошла через десять пар рук и опустилась на землю. Кривичи кивнули, дескать, забаву поняли и, посоветовавшись, выставили десятерых своих. Смысл игры очень простой: кто быстрее перекидает свою гору чурок до обозначенной линии и обратно. Победители, если это местные, получают по ковшу вина, а если норманны, то на их головы десять самых красивых девушек водрузят венки из первых полевых цветов. В следующем состязании противники должны встать друг напротив друга – «стенка на стенку», упереться голова к голове и попытаться вытолкнуть команду соперников за черту. Если проигрывают норманны, то они везут победителей на драккаре до излучины под торжественные хвалебные драпы, сочиненные прямо сейчас, можно сказать, с ходу. Но если уступают кривичи, то гости получают право пригласить девушек на драккар и вместе с ними прокатиться по Днепру до края посада и обратно.

Подзадоривая не столько себя, сколько соперника, норманны затянули бойкую песню об удачливом рыбаке и принялись перебрасывать чурки. Но то ли руки еще не отдохнули от весел, то ли венки в руках девушек не взбодрили их дух, но тяжелые обрезки то и дело не долетали до цели, выскальзывали из рук и больно падали на ноги. Дела у хозяев шли куда лучше. И вот уже гора чурок дважды полностью переместилась к противоположной черте и обратно. Победители вскинули руки. Хроальд «разочарованно» покачал головой и велел Бьорну обнести полным ковшом вина каждого кривича, участвовавшего в этой забаве.

Во втором состязании викинги решили взять реванш. Кряжистые, невысокого роста, они буквально вросли в землю. Кривичи же, напротив, выложившись в первой игре да к тому же приняв по четвертному ковшу хмеля на грудь, не смогли организовать твердый строй. Норманны рывками по четкой команде Ульффрика Ломаный Нос теснили неприятеля и вскоре окончательно выдавили за обозначенную черту. Девушки водрузили на головы победителей венки, а Хроальд, решив подсластить хозяевам горечь поражения, приказал Бьорну еще раз обнести русов ковшом вина.

– В первом бою, мы видим, победить русы, а значит, они поплыть на «Хрофтофюр». Но во втором победить наши воин. За это они тоже получают награда! Пусть девушки плыть с нашим воин на другой драккар! – Херсир показал рукой в сторону «Фенрира».

Раздался одобрителный гул толпы – всем понравилось решение мудрого Хроальда. Видя, какое количество «товара» выгружено на берег, кривичи не почувствовали коварства.

Городская стража лениво наблюдала за происходящим с башен деревянного кремля. Волхвы, «отцы города», проводили в палатах утреннюю думу, дружина по большей части ушла на Литву еще чуть ли не с месяц назад, когда окончательно сошли снега и холода отпустили землю.

И вот, скрипя черной обшивкой, с хрустом давя прибрежные камни, два драккара поползли в воду. Кривичи с большой радостью помогли норманнам столкнуть суда с берега.

«Хрофтотур» резко вспенил веслами воду и полетел по днепровской глади, тогда как «Фенрир», напротив, казалось, замер, чуть отойдя от берега.

Когда расстояние между двумя судами выросло до трех сотен шагов, Хроальд, находившийся на «Хрофтотуре», поднес к губам рог. Раздался низкий протяжный звук. Это был сигнал. И тут же с «Фенрира» выстрелила катапульта. Бочонок, начиненный черной густой смесью, описав по воздуху дугу, влетел в одну из славянских лодий и рассыпался от удара в кормовой части. Тягучая смесь облепила борта изнутри, потекла по днищу. Несколько факелов пролетели вслед бочонку, и судно вспыхнуло, подобно сухой бересте. Одновременно с этим два десятка норманнских стрел со свистом вспороли ветер и врезались в ошеломленную толпу. Раздались крики и стоны раненых. Кривичи, опомнившись от первого шока, рванулись к воде. Одни – спасать горящее судно, другие просто заметались по береговой линии. А с «Фенрира» вылетел еще один снаряд, начиненный смолой, затем еще и еще. Вскоре полыхнул весь берег; горели лавы¹¹ и плоты, лодки и шнеки, горели разложенный на склоне товар и одежда на обездумевших людях. В дыму и огне стрелы викингов продолжали находить свои жертвы. Рыбак Халли хлыстом заставил лечь растерянных полонянок лицом вниз на дно драккара. А Ульфрик с Эйнарсом на другом судне избивали дубьем безоружных, слабых от хмеля пленных мужчин.

– Все! Теперь им будет чем заняться! – Хроальд хлопнул по плечу Бьорна.

– Похоже, Олаф хорошо пощекотал этим недоумкам кишки! Им и впрямь будет не до погони! – Бьорн криво ухмыльнулся.

– Пусть на спинах рыб нас догоняют! – херсир расхохотался, показывая пальцем на мечущихся по берегу людей. – Ладно. Пора. Русам есть кого хоронить и есть кому перевязывать раны. Надеюсь об этих, – Хроальд кивнул на пленников, – они скоро забудут, – и он снова расхохотался. Но уже через пару секунд взял себя в руки и поднес к губам рог. Два длинных звука. С «Фенрира» ответили двумя короткими. И вскоре оба драккара уже неслись по водам Днепра, оставив далеко позади пылающий славянский берег.

¹¹ Лавы – временные пешеходные мостки, устанавливаемые ежегодно у пристаней и вдоль обреза воды в сезон навигации по реке.

Глава 4

Моготин тупо смотрел на огонь костра, борясь с дурными предчувствиями. Несколько раз он пытался лечь, но сон упрямо не шел. Вместо этого, тошнота у горла и беспокойство в груди. Два дня назад мужчины деревни Ощера отправились за рыбой по дальним старицам. Тридцатипятилетний Моготин был старшим. Но с самого начала ловли все пошло наперекосяк: две долбленки перевернулись, две другие дали течь, рыба словно повымерла, хотя все знали, что лучшего места для ловли в это время в днепровской пойме нет. Моготин с особым тщанием готовил себе ложе под открытым небом, понимая, насколько важно быть выспавшимся и бодрым. На жаркий еще пепел укладывались лапы елей и накрывались телячьей шкурой. Тепло, мягко и уютно. Но только не в этот раз. Вторые сутки сердце не на месте, вторая ночь, словно в лихоманке.

Чуть только взбелило, Моготин вскочил на ноги и принялся разводить огонь. Глядя на спящих товарищей, он никак не мог понять: что же так сильно его беспокоит?

Вторым проснулся Зелда и пустыми со сна, синими глазами стал отрешенно смотреть на верхушки деревьев.

– Мы зря сидим здесь, Моготин! Много рыбы не будет. Нужно возвращаться домой!

– Тебе тоже так видится? А я две ночи, словно поджаренный, не могу уснуть! – Моготин пошевелил в костре осиновой рогаткой.

– А мне по ночам русалки поют. А коли поют – значит, к беде это, Моготин.

– Значит, не только этой ночью пели?

– Не. Той тоже.

– Чего же ты молчал?! – Моготин дергано заходил взад-вперед вдоль берега.

– А что тебе я мог сказать? Ты с первого дня на всех вороном каркал, будто тучу какую наслали.

– Давай собираться, Зелда. Домой пойдем.

– Почаю тоже худо уже третий день. Еще не ушли мы из дома, а он уже сник, – Зелда, тяжело вздохнув, стал скручивать подстилку.

– Ежели вам всем так худо, то чего молчите?! – Моготин чуть не со всей дури пнул по пню, благо тот был настолько трухляв, что разлетелся от удара на несколько частей, иначе не миновать бы отбитых и переломанных пальцев.

* * *

Восемь долбленок, по три человека в каждой, полетели по темной глади озер. Гребли отчаянно, никто не думал об улове, всем быстрее хотелось увидеть Ощеру и убедиться, что все хорошо, что это только предчувствия и не более того.

Вышли на днепровский стрежень, еще два поворота, и покажется родной берег.

Перед последней излучиной Моготин поймал ноздрями едкий запах гари. Сердце бешено заухало. У него было самое острое чутье на любые запахи, у Зелды самые чуткие уши, а Почай мог, лизнув травинку, сказать, какая будет погода на ближайшие несколько суток. Этот запах ни с чем не спутаешь. Моготин помнил его с юности, когда Ощеру сожгли железные люди, приплывшие откуда-то из северных земель. Гарь пахнет остро, но не она раздирает сердце и мутит сознание. Страшнее пахнут слезы – тонкая, солоноватая, незримая паутина. Крик тоже имеет свой запах. А уж о металле и крови и говорить нечего.

Весь этот сплав Моготин хорошо запомнил. Как важно иногда человеку не увидеть что-либо, а вначале почувствовать, тогда можно внутренне себя подготовить, и удар судьбы уже

не будет опрокидывающим навзничь. В этом смысле люди, обладающие такими качествами, имеют неоспоримое преимущество перед теми, кто воспринимает только глазами.

Последние двадцать локтей... выбежавший на течение ивняк...

Когда резко, подобно вымаху огромного черного крыла, открылось пепелище, Моготин был уже ко всему готов и только сильнее сдавил черенок весла. В ушах тонкий непонятный звук и тупая жуткая тишина одновременно, словно сырой мох Нави навалился на слух. Моготин даже не понял, что оглох. Оглох навсегда.

Он не слышал криков своих сородичей, мечущихся среди обугленных развалин, не слышал яростного плеска днепровской воды. Он стоял на лаве и смотрел на светло-русые волосы жены, выбивающиеся из-под бревен, ставшие частью течения. Стоял, не в силах пошевелиться. Моготин даже не почувствовал, как Зелда схватил его под локоть и стащил с лавы на берег. А когда плот отодвинули... Жена Моготина, Оляна, и четверо его дочерей стояли на дне с привязанными к ногам валунами!

– Похороним потом! Всех похороним потом! – Моготин кричал и не слышал своего голоса. Ему казалось, что не только он сам не слышит, но и другие не слышат, от того заходился в отчаянном крике еще сильнее. Зелда с вытаращенными от ужаса глазами тряс его за грудки. Тряс так, что трещала по швам одежда.

– Нужно их догнать! Догна-а-ть!.. Похороним потом!

И вдруг непонятно откуда, из какого-то другого пространства, Моготин отчетливо услышал: «Мсть – это блюдо, которое лучше подавать холодным!»

Перед ним стоял невысокий, хрупкий на вид человек с длинной челкой, доходившей почти до самого подбородка.

Куда-то делся Зелда. Кричащие, мечущиеся по берегу люди, сожженные дома, утопленные сородичи – все каким-то образом отодвинулось от Моготина, странная сила сгребла его сознание, заключила в клещи, подняла над землей, и он увидел себя сверху, скорченным, стоящим на коленях. Правая рука рвала на голове волосы и царапала лицо, левая сжимала горло. Он увидел сородичей, обезумевших, катающихся по земле, увидел Почая, рубящего топором плоть реки, Зелду, рвущего ногтями кору с дуба. Увидел и понял, насколько все они беспомощны и слабы, слабы и беспомощны. Потому что безоружны.

Обезволенный, не чувствующий собственной плоти, Моготин шел за маленьким человеком, посох которого на целую голову был выше своего хозяина. Их никто не пытался остановить, словно они стали прозрачны и незримы. Колыхались длинные русые волосы волхва. Несколько раз тот оборачивался, и Моготин вновь видел перед собой волосы, только волосы – и никакого лица! – но уже седые и прямые, тогда как по плечам рассыпались волнистые и темно-русые. Они шли и шли до тех пор, пока взору не открылась поляна с капищным древом. Маленький человек с длинной челкой показал посохом на корни дерева. Моготин лег между этих корней, и тут же сон подхватил его и понес в синие краски небесных чертогов...

* * *

Оставшиеся в живых ощерцы очнулись от перенесенного удара только ближе к полудню следующего дня. Всего набралось тридцать четыре мужчины, способных держать оружие, и несколько детей, успевших спрятаться в лесу от норманнов.

Зелда сидел на берегу и смотрел, как люди укладывают в погребальный сруб тела своих сородичей. Первый приступ ярости и жара ненависти прошли. Глядя на работающих людей, Зелда успокаивался, начинал свою работу мозг. Даже если всех мужчин вооружить топорами, наспех сделать щиты и колья, то против норманнов – это все равно что курам на смех... Куда-то пропал Моготин. Но Зелда ничуть не сомневался в старом товарище. Значит, где-то отле-

живается. Но и не гнаться за норманнами тоже нельзя. Дети погибших проклянут за трусость навеки. И не только дети, но и взрослые. Все хотят идти, отомстить, отбить взятых в полон!

Что делать? Где же Моготин?.. У Зелды никого из близких родственников не было: отца и мать схоронил, почитай, десять лет назад, жена умерла в родах, а вслед за ней и ребенок. Зелда любил всех, всю деревню одинаково, но жил один на отшибе. Может, поэтому он оказался единственным, кто сохранил ясность ума в этой жуткой ситуации. Преследовать и атаковать драккары с воды – значит заранее обречь себя на позорное поражение, а значит, нужно преследовать посуху, идя берегом и срезая изгибы.

Зелда разделил людей на две группы: двенадцать человек сели в лодки и устремились по следу норманнов, а две дюжины, вооруженные топорами, пошли берегом. Какая-то неведомая сила остановила ощерцев вчера от того, чтобы сразу броситься в погоню. Кое-кто говорил, что видел маленького человека с пучком дымящейся травы. Никто не мог вспомнить его лица, но хорошо запомнился странный сладковатый запах, исходивший от пучка и распространившийся по всему берегу в том месте, где стояла деревня. Человек, вдохнувший этого дыма, переставал метаться и уже не рвался отомстить, он просто садился на землю и начинал плакать. И плакал до тех пор, пока силы не оставляли его, после чего наступал глубокий и ровный сон.

Двенадцать бойцов в лодках должны были настигнуть драккары «северных гостей» и постараться задержать как можно дольше, пока основные силы подготовят засаду где-нибудь ниже по течению. Зелда очень хорошо знал каждый локоть Днепра на добрую сотню верст и очень надеялся, что викинги не успели далеко сплавиться. Ведь там, ниже, много деревень, среди которых Калока и Казия. Из Калоки – мать Зелды, а из Казии – его погибшая жена.

Почай сам вызвался руководить действиями на воде. Долбленки построились ромбом, по три человека в каждой, и понеслись по затуманенной глади, отбрасывая вспененные волны. Охотничьи луки, гарпуны и стрелы с костяными наконечниками, каменные и деревянные топоры; тела по пояс прикрыты в основном телячьими шкурами, кое у кого были даже шлемы из продубленной кожи.

Почаю было всего двадцать три года – еще незрелый муж, но уже завидный жених. В Калоки засылали сватов в дом Имормыжа, который славился своими дочерьми. Имя одной из них Раданка. Раданка – значит радость и свет! Она и впрямь была очень смешливой и доброй. Они познакомились в прошлом году на Ивана Купалу. Вначале девушка нашла Почая по венку, который сплела и опустила на воду. Многие девичьи венки не доплыли в ту ночь до заветного поворота – одни сразу стали прибиваться к берегу, другие растворились в темноте и пропали. Вправду говорят: как в воду канули. Но венок Раданки правильно поймал течение, закружился и, чуть покачиваясь на теплой волне, зашепел в долгожданный для каждой девушки мир головокружительного счастья. Потом пары прыгали через костер, взявшись за руки или соединившись травяными поясами. Если пара не хотела продолжать знакомство, то руки над костром размыкались, а пояса рвались. В ту ночь Почай крепко держал руку Раданки. Их объявили женихом и невестой. Вокруг девушки водили хоровод ее подруги и пели грустные песни, в которых прощались с ней, поскольку она теперь уже принадлежала Почаю. Все лето молодые люди тайно встречались, а по осени, после сбора урожая, от Почая пошли сваты. По традиции сваты засылались трижды. Первый раз их даже не пускали на порог, а разговаривали с ними через плетень, и конечно же девушку никто не показывал. Второй раз сваты приходили обычно под конец зимы, на Масленицу – с блинами и пирогами. Здесь уже сама невеста обносила гостей за столом, а те оценивали, насколько она ладна в движениях и внимательна к старшим. И в третий раз – непосредственно накануне свадьбы. К этому времени у невесты уже должен быть свадебный наряд и приданое. Все это показывалось дорогим гостям, пришедшим от жениха. Почаевы сваты в доме Имормыжа тоже побывали трижды. Наметили день свадьбы, поцокали языками над брачным платьем Раданки.

Но боги решили сделать по-иному...

«Хрофтогюр» и «Фенрир» легли на течение и двигались с его скоростью. Херсир Хроальд-старый справедливо решил, что лучше поберечь силы, поскольку впереди немало добычи, но ее придется тоже брать силой. А сил бесконечных не бывает. Поэтому он приказал сложить весла вдоль бортов и наслаждаться спокойствием. Херсир представил, как через пару-тройку недель жадный и жестокий ярл Эрик Кровавая Секира пойдет по Днепру, а получит опивки со стола пирующего Хроальда, – и рассмеялся в голос. То-то же! Не будет зубоскалить над старостью. Озлобленные русы хорошо встретят Эрика, и придется Секире искать удачи в низовьях, а лучше поворачивать и идти на закатные страны.

Аппетит у старого конунга разгорелся не на шутку. Он представил, какую выручку получит уже только с того, что взял в этом походе, и сладкая волна радости подкатила к горлу. А сколько еще впереди!.. «Если не хватит цепей, – думал херсир, – будем связывать невольников веревками, взятыми в их же домах. А не будет места на драккарах, сделаем плоты. Но я привезу столько добычи, сколько еще никто никогда не брал в походах, убей меня Тор своим молотом!..»

Так виделось Хроальду и мечталось о могуществе в Норвегии. Он покосился на Эгиля Рыжую Шкуру и тут же поморщился от его вида... «А этого, так и быть, специально для Асгерта утоплю где-нибудь поближе к ромейским землям. Сейчас мне каждый у борта дорог. Не сажать же траллов на весла!..» Викинги только в самых крайних случаях прибегали к тому, чтобы доверить весло чужеземцу. «Вертеть весло» – почетная обязанность для каждого, кто родился в мире скандинавских фьордов.

Вдруг Халли, стоявший на корме у руля, ударил о кованый щит обухом своего топора. Хроальд не обернулся на звук.

– Чего тебе неймется, Рыбак? – херсир спросил, продолжая глядеть вперед из-под ладони в сторону восходящего солнца.

– Похоже, в наших мешках снова прибавление, да пусть Имра сожрет мою печень! – осклабился Халли и показал рукой в сторону четырех приближающихся челноков.

– Имру твоя печень бесполезна! Ему всякая печень давно бесполезна! – Хроальд посмотрел назад и засмеялся, потирая ладони. – Это рыбаки, Халли. Пусть подойдут поближе. Сколько их?

– Дюжина на четырех лодках. И они, да лопнут мои глаза, не чувят никакой опасности!

– Тогда поворачивай к берегу, Халли. Предложим поторговаться. Потряси белками. Пусть увидят.

– А Эйнар?

– «Фенрир» пусть идет дальше. Сами справимся. Невольникам забейте рты и положите на дно лицом вниз, – Хроальд быстро снял с головы боевой шлем, а вместо него натянул соболью шапку с хвостом чернобурки.

Захваченным в плен молодым людям вбили в рот кляпы, заставили лечь на дно драккара, сверху закидали «товар» шкурами и награбленным добром.

Лодки Почая первыми ткнулись в береговую крепь. Предводитель маленького отряда кривичей сразу разглядел старого норманна в собольей шапке. Молодому человеку показалось даже, что он встречал этот головной убор на ком-то в санные дни на ярмарке.

– Скумин, – Почай легко толкнул в плечо веснушчатого парня, – выцеливай вон того, в шапке.

– У-гу... – Скумин кивнул, но руки у него заметно дрожали. В отряде Почая все были молоды и живого, настоящего врага видели впервые. А многие так и вообще первый раз видели иноземцев.

– Попади в него! А мы схватим топоры, наскочим и потом побежим в лес. Пусть догоняют. За это время Зелда перегородит возле Ремезы Днепр.

– У-гу! – снова был ответ. Скумин вытаращенными глазами смотрел на викингов, которые спрыгивали с драккара. Вдруг под плащом одного из них блеснул доспех и мелькнула рукоять меча.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.